

УДК 81'42

UDC

DOI: 10.17223/18572685/45/4

СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ «СОВЕТСКОГО» В ДИСКУРСАХ РОССИЙСКИХ И ЧЕШСКИХ СМИ*

И.В. Тубалова¹, Ю.В. Филь²

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹E-mail: tina09@inbox.ru

²E-mail: 2fil@inbox.ru

Авторское резюме

В статье рассматриваются варианты интерпретации в дискурсе российских и чешских СМИ стабилизированного модуса речевой единицы *советский*, рассматриваемой как продукт российского политического дискурса советского времени. Идеологически ориентированный позитивнооценочный модус советского политического дискурса стабилизируется в русском прилагательном *советский* и его чешском эквиваленте. Статус социального авторитета советского политического дискурса для дискурсов российских и чешских СМИ является внешним, но они по-разному осуществляют разграничение ценностных систем, обосновывающее специфику интерпретации модусно стабилизированных речевых единиц в советском политическом дискурсе. Вследствие этого модели его реинтерпретации в дискурсах российских и чешских СМИ демонстрируют элементы как сходства, так и различия. Сходство определяется 1) общностью политико-идеологического прошлого стран; 2) единством СМИ-интенций, что проявляется в возможности нейтрализации оценки и ее реинтерпретации. Различия в основном определяются восприятием советского как идеологической модели своего / чужого государства, что проявляется в 1) степени дифференцированности, детальности представления объекта оценки, осуществляемой при использовании прилагательного *советский*; 2) наличии / отсутствии фактов использования рассматриваемого прилагательного в позитивнооценочных целях.

Ключевые слова: дискурс российских и чешских СМИ, советский политический дискурс, восприятие инодискурсивного модуса.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-02043).

THE CONTENT INTERPRETATION OF THE “SOVETSKIY” IN THE RUSSIAN AND CZECH MEDIA DISCOURSES*

I.V. Tubalova¹, Y.V. Fil²

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: tina09@inbox.ru

²E-mail: 2fil@inbox.ru

Abstract

The article discusses the interpretations of the stabilized modus of the speech unit “sovetskiy” in the Russian and Czech media discourses. This modus is considered a product of the Soviet political discourse. With its ideological orientation and positive evaluation, the modus of the Soviet political discourse is stabilized in the Russian adjective “sovetskiy” and its Czech equivalent. The Soviet political discourse was an external social authority for the Russian and Czech media discourses; however, they vary in their distinctions of value systems, which explains the specificity of interpretation of the speech segments stabilized by modus in the Soviet political discourse. As a result, the models of its reinterpretation in the Russian and Czech media discourses show both similar and different elements. The similarities are determined by 1) common political and ideological past; 2) common media intentions, which is manifested in the possibility of evaluation neutralizing and reinterpretation. The differences are mainly determined by the perception of the Soviet as an ideological model of our / their state that is realised in 1) the degree of differentiation of the evaluated object; 2) the presence / absence of the fact of using this adjective for positive evaluation.

Keywords: Russian and Czech media discourses, Soviet political discourse, perception of modus of another discourse.

В основе данной статьи – концепция инодискурсивной интерпретации смысла, отработанного в практиках определенного дискурса и стабилизированного в особых речевых единицах.

Социальная организация говорящего человека предполагает наличие у него представлений о стратификации социальных сфер, его социальных практик, в том числе его дискурсивных практик. В частности, это проявляется в восприятии им определенных дискур-

* The research is supported by the Russian Science Foundation Grant Nr 16-18-02043.

сов как **авторитетных** (Тубалова 2014). Формирование социального авторитета является результатом действия процессов институционализации, организующих общественное существование человека, обособляющих общие ценности и закрепляющих принципы этого существования в рамках социальных групп.

Социальные институты регулируют деятельность субъектов на основании авторитета, поддерживаемого на государственном и / или общекультурном уровне, что определяет авторитет институциональных дискурсов и стабилизацию содержания продуцируемых ими речевых единиц как дискурсивно обусловленных. Процесс дискурсивно обусловленной стабилизации содержания речевой единицы заключается в закреплении за ней особого – заданного на основании специфики дискурсивной интенции – модусного смысла (Тубалова 2014). Так, политический дискурс наделяет активно используемые в нем речевые единицы идеологически ориентированным оценочным модусом, нацеливающим их денотативное содержание на основании конкретной политической позиции. В качестве примера можно привести результаты стабилизации речевых единиц российского советского политического дискурса, закрепляющего в качестве позитивнооценочного содержание лексем *актив, крестьянин, рабочий, товарищ* и др., а в качестве негативнооценочного – лексем *буржуй (=буржуа), враг народа, вредитель, единоличник, империализм, контр-революция, царизм* и др.

Востребованность источника и характер обращения к нему мотивируются социально. На наличие социально авторитетных источников («авторитетных текстов»), обладающих для говорящего особым статусом, указывал М.М. Бахтин: «В каждую эпоху, в каждом социальном кругу, в каждом маленьком мирке семьи, друзей и знакомых, товарищей, в котором вырастает и живет человек, всегда есть авторитетные, задающие тон высказывания, художественные, научные, публицистические произведения, на которые опираются и ссылаются, которые цитируются, которым подражают, за которыми следуют. В каждую эпоху во всех областях жизни и деятельности есть определенные традиции, выраженные и сохраняющиеся в словесном облачении: в произведениях, в высказываниях, в изречениях и т. п.» (Бахтин 1979: 268–269).

В данном высказывании исследователя обнаруживаются две значимые для нашей концепции идеи, связанные между собой: 1) «в словесном облачении» фиксируется некоторый **независимый от субъектной позиции говорящего человека авторитет**, заданный спецификой конкретно-исторической («в каждую эпоху») социальной организации его существования (структурой его жизни и дея-

тельности); 2) этот социальный авторитет используется говорящим через обращение к речевым единицам, его фиксирующим, в качестве объективированных ориентиров. Перефразируя и развивая данную идею, можно сказать, что в речевых практиках, осуществляемых за пределами стабилизирующего рассматриваемые единицы **социально авторитетного дискурса** (обозначим дискурс, воспринимающий такую единицу, как *результатирующий*), говорящий использует их на основании **интерпретации** стабилизированного в дискурсе-источнике содержания, реализация которого отражает результат соотнесения ценностных систем дискурса-источника и результирующего дискурса.

Если социальный авторитет дискурса-источника формируется независимо от субъекта результирующего дискурса (является **внешним** для него), то при его восприятии он может быть оценен либо как **истинный** (при совпадении ценностей), либо как **ложный** (при их противопоставлении). В рамках такой интерпретации заложенный дискурсом-источником модус может сохраняться, нейтрализовываться или трансформироваться, что определяется характером восприятия его социального авторитета субъектом результирующего дискурса.

В данной статье объектом анализа являются тексты современных российских и чешских СМИ, в которых используется прилагательное *советский*, рассматриваемое нами в качестве продукта российского политического дискурса советского времени.

Речевые единицы советского политического дискурса регулярно используются в текстах постсоветских СМИ, что подтверждается, например, в исследовании З.И. Резановой: «Достаточно высокая частотность такого использования в текстах современных региональных СМИ является косвенным свидетельством, с одной стороны, живости смыслов «советского» в современной ментальности, с другой – осознания дистанцирования авторов текстов от данных смыслов, вводящих как средство остранения текста» (Резанова 2008: 65).

Советский политический дискурс обладает **социальным авторитетом** как в российском, так и в чешском культурном пространстве (в силу долговременного политического воздействия советской политической системы на чехословацкую на государственном уровне). Этот авторитет является **внешним** для современных как российских, так и чешских СМИ: его оценка осуществляется в контексте иной дискурсивной ценностной системы. Эта ценностная система формируется на основании 1) современной национальной системы ценностей, уточняемой в рамках; 2) ценностной системы отдельной статьи, задаваемой ее автором. Следует отметить, что в силу особенностей исследуемого материала (контексты, представляющие собой фрагменты конкретных статей разной тематической направленности)

сти из национального корпуса чешского языка) не представляется возможным учитывать значимую для дискурса СМИ специфику ценностных систем печатных изданий, в которых опубликованы эти статьи (особенности их политической ангажированности, их отношение к официальной государственной позиции по поводу оценки прошлого своей страны и прошлого / настоящего другой страны и т. д.). Мы рассматриваем результаты их влияния как воплощенные в тексте статьи конкретным автором.

Несмотря на общность внешнего статуса социального авторитета советского политического дискурса для дискурсов российских и чешских СМИ, дифференциация ценностных систем, обосновывающая специфику интерпретации модусно стабилизированных в советском политическом дискурсе речевых единиц, в них осуществляется по-разному.

Ценностная система дискурса современных российских СМИ отражает взгляд на советский политический дискурс как на политическое прошлое своей страны. Дифференциация ценностных позиций осуществляется по темпоральной оси: «*советское* – это наше прошлое» – и по политико-идеологической оси: «*советское* – это не совпадающая с существующей политической позиция». Эти модели ценностной дифференциации могут функционировать самостоятельно или органично совмещаться: «*советское* – это наше политическое прошлое».

Ценностная система дискурса современных чешских СМИ отражает взгляд на него не только из другого времени и / или с другой политической позиции, но и из другого государства, воспринявшего советские социальные (в том числе и дискурсивные) практики от «старшего брата». В результате дифференциация ценностных позиций осуществляется не только по темпоральной («*советское* – это политическое прошлое») и политико-идеологической («*советское* – это не совпадающая с существующей политической позиция») осям, но и по оси национально-государственной («*советское* – это идеология другой / чужой страны»). Особенность их функционирования в дискурсе современных чешских СМИ, отражающая своеобразие национально-культурно обусловленного функционирования в целом, заключается в том, что первая и вторая модели дифференциации обязательно совмещаются с третьей.

Следует отметить, что отражение в толковых словарях результатов влияния политической идеологии на язык уже становилось предметом внимания исследователей (Купина 1995; Трипольская, Булыгина 2015). Методика выявления стабилизируемого в речевых единицах дискурсивного модуса описана в (Тубалова 2015).

Прямая семантическая связь рассматриваемой речевой единицы – прилагательного *советский* – с советским политическим дискурсом реализуется на денотативном основании, что отражается в российских словарях советского времени (пример словарной статьи МАС): «**СОВЕТСКИЙ**, -ая, -ое. 1. Прил. к Совет²; основанный на управлении Советами как органами власти. <...> || Относящийся к работе Советов как органов власти. <...> 2. Относящийся к Стране Советов, к СССР, принадлежащий Стране Советов. <...> || Добытый, изготовленный и т. п. в Стране Советов. <...> || Свойственный Стране Советов. <...> || Свойственный людям Страны Советов» (Словарь русского языка 4: 175).

Позитивнооценочная модусная ориентация определяется прямой ее принадлежностью к средствам маркирования политической власти (в первом значении) или продуктов ее деятельности (во втором значении) и подтверждается в иллюстративном материале словаря: «**Советский патриотизм** является прямым наследником творческих дел предков, двигавших вперед развитие нашего народа. М. Калинин. О коммунистическом воспитании» (Словарь русского языка 4: 175). Кроме того, указанная модусная ориентация подтверждается в текстах российских политических документов советской эпохи, например в опубликованной в советской печати речи В.И. Ленина «Что такое Советская власть»: «Что такое **Советская** власть? <...> Сущность ее, привлекающая к себе рабочих каждой страны все больше и больше, состоит в том, что **прежде** государством управляли так или иначе богатые или капиталисты, **а теперь в первый раз** управляют государством, притом в массовом числе, как раз те классы, которых капитализм угнетал. <...> **Первый раз в мире** власть государства построена у нас в России таким образом, что **только рабочие, только** трудящиеся крестьяне, **исключая эксплуататоров**, составляют массовые организации – Советы, и этим Советам передается вся государственная власть» (Ленин 1969: 238), а также в многочисленных эстетически обработанных текстах, созданных на периферии советского политического дискурса – в зоне его пересечения с художественным (например, советские песни «Эх, хорошо в стране советской жить!» – слова В. Шмидтгофа, «Мы советский народ» – слова В. Гина и др.).

Представление рассматриваемой единицы в чешских словарях советского времени (а также постсоветского периода) отражает ее российско-советское происхождение (см. помету «z rus.» /«из русского»/ в словарях чешского языка в соответствующей словарной статье) и хотя прямо и не отражает позитивнооценочной модусной ориентации данного слова, но и не противоречит его интерпретации в советском политическом дискурсе как дискурсе-источнике. Так, сле-

дующий пример словарной статьи из Словаря чешского литературного языка: «**sovět**, -u m. (6. j. -u) (z rus.) (v sovětském prostředí) rada 3: s-y dělnických zástupců; všechna moc s-ům (heslo); vláda s-ů; S. národnosti; Nejvyšší s. SSSR; – Sověty, -ů m. mn. hovor. Sovětský svaz: jsme v S-ech sedmý rok (Pujm.); – Sověti, -ů m. mn. hovor. obyvatelé Sovětského svazu, sovětské občany: zvítězili S-i sovětské sportovci; – **sovětský** (*sovětový Z. Nej.) příd.: s-á moc; s-é zřízení; S-á armáda; s-á mládež; s-é zkušenosti; s-tští lidé; s-é Rusko; S. svaz Svaz sovětských socialistických republik, SSSR; → přísl. sovětsky» (Slovník spisovného jazyka českého 3) – помимо указания на значение единицы, называющее орган власти в Советском Союзе, содержит многочисленные употребления имени и образованного от него прилагательного в свойственных советскому политическому дискурсу контекстах: *Советы рабочих депутатов, власть Советов, высший орган власти СССР, Советский Союз, жители Советского Союза, советские граждане, советская молодежь, советские люди, советский строй, Советская армия* и т. д.

Результат усвоения советского позитивнооценочного политического модуса можно обнаружить в политически ангажированных чешских песнях, например в песне на стихи Станислава Костки Неймана «Pozdrav» /«Привествие»/ из сборника пролетарской чешской поэзии «Rudé zpěvy» (1923) /«Красные песни»/, в котором Советская Россия именуется единственной надеждой мира рабочих и крестьян: ***Sovětská Rusi, buď zdráva! Nad skomírajícím světem, jenž dusí nás a všechny ostatní dělníky a dělnice buď zdráva, svěťte! /Здравствуй, Советская Русь! Над умирающим миром, который душит нас и всех остальных рабочих и работниц, здравствуй, святая;/ Matko naše, Ruská socialistická federativní sovětská republika, učitelko, zástito, naděje naše, pilíři budoucnosti, jediná hvězdo na stmělém nebi, buď zdráva! /Мать наша, Русская Социалистическая Федеративная Советская Республика, учительница, покровительница, надежда наша, опора будущего, единственная звезда на потемневшем небе, здравствуй!/.***

Таким образом, идеологически ориентированный позитивнооценочный модус советского политического дискурса стабилизируется в русском прилагательном *советский* и в его чешском эквиваленте *sovětský*. При этом речь идет о лексикографическом эквиваленте, как показывает дальнейший анализ, контекстно-речевое наполнение указанных единиц в русском и чешском языках дифференцируется.

Далее рассмотрим, какие варианты интерпретации стабилизированного в дискурсе-источнике модуса речевой единицы *советский* обнаруживаются на основании представленных моделей ценностной дифференциации в дискурсе российских и чешских СМИ. Для анализа обратимся к текстам современных российских СМИ –

к материалам газетного корпуса и заданного подкорпуса основного корпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ) (НКРЯ 2016) – и современных чешских СМИ – к материалам прессы из Национального корпуса чешского языка (ČNK) (ČNK 2016). К анализу привлекались тексты, созданные не ранее 2000 г.

1. В силу того, что для современного российского дискурса СМИ *советский* является маркером политического прошлого своего государства, в нем (как и в других функционирующих в современном российском социуме дискурсах) формируется вариант последовательного оценочно нейтрального использования рассматриваемой единицы в качестве «беспристрастного» бытового маркера эпохи (темпоральности), к которому располагает темпорально-событийная конкретность дискурса-источника (политически обусловленное содержание – в максимально периферийном положении). Относительная частотность использования рассматриваемой модели определяется потребностью в компактном обозначении социального прошлого своей страны, для реализации которой прилагательное *советский* становится удобной формой. В данной функции рассматриваемая речевая единица практически нейтрализует связь с политическим источником и представляет его дискурсивно значимый диктум как идеологически нейтральный. *Помимо этого, народный избранник настаивает на распространении на старшее поколение стандартов здорового образа жизни – такую сферу должно контролировать профильное Министерство спорта. При государственных стадионах и спортивных площадках он предлагает возродить группы здоровья для старшего поколения, функционирующие в советское время // Известия, 2014.06.09 (НКРЯ); Я слышала и общалась с покойным Борисом Гольдштейном <...> Он был советским музыкальным вундеркиндом. Ждали, что будет гений // Комсомольская правда, 2014.07.09 (НКРЯ); В той же Африке, например, хорошо помнят советские времена и массовые поездки студентов на учебу в СССР // Известия. 2014.06.04 (НКРЯ).*

Другой вариант оценочно нейтрального использования прилагательного *советский* в российских СМИ связан с маркированием государственной принадлежности, применяемым при описании событий, произошедших в советское время (т. е. указание на время проявляется косвенно): *История повторилась в 1991 году, когда в воюющей Югославии пропали советские журналисты Виктор Ногин и Геннадий Куринной // Комсомольская правда, 2014.08.07 (НКРЯ); То был последний день войны на Корейском полуострове, которая заканчивалась по соглашению в 10 часов утра 27 июля 1953 года. Советский военный самолет Ил-12, переоборудованный в пассажирский*

вариант, вылетел из Порт-Артура во Владивосток // Комсомольская правда, 2014.07.23 (НКРЯ); Пожалуй, самым эмоционально насыщенным событием во время визита стало участие российского министра в церемонии открытия музея-мемориала на месте нацистского концентрационного лагеря «Шталаг 18-Д», расположенного неподалеку от центра современного Марибора. Во время Второй мировой войны сюда свозили пленных из Франции, Польши, Великобритании. С осени 1941 года по весну 1942-го в нем были замучены порядка 3 тыс. советских узников // Известия, 2014.07.09 (НКРЯ).

В современных чешских СМИ значительно реже, но также фиксируется оценочно нейтральное использование рассматриваемой единицы, но только при номинировании принадлежности определяемого объекта к иному – конкретному – государству (России). Указание на временной период проявляется косвенно («Россия советского периода»): *Letos pětasedesátiletý Viktor Jerofejev vyrůstal jak v prostředí stalinismu, tak západního světa. Jeho otec byl Stalinův tlumočník a později sovětský kulturní atašé v Paříži* // *Literární noviny*, č. 40/2013 (ČNK) /На данный момент шестидесятипятилетний Ерофеев рос как в среде сталинизма, так и западного мира. Его отец был переводчиком Сталина, а затем **советским** атташе по культуре в Париже/.

2. На основании восприятия социального авторитета советского политического дискурса в качестве ложного как в российских, так и в чешских СМИ активно формируются модели оценочной переориентации модуса источника при использовании прилагательного *советский*. Активность использования данной модели проявляется в наличии целого ряда вариантов ее реализации.

2.1. Наиболее частотно как в российских, так и в чешских СМИ реализуется такой вариант рассматриваемой модели, в рамках реализации которого объектом оценивания становится непосредственно советская политико-идеологическая позиция.

В российских СМИ это связано с ценностным дистанцированием автора от советской политико-идеологической системы: *Наша любовь к применению «оружия» «анонимного письма» проистекает из советского прошлого, когда поощрение доноительства было нормой. Эта норма аморальна в любом контексте, включая политический* // Известия, 2014.06.19 (НКРЯ); *Бывшие советские чиновники, удержавшие власть и в постсоветское время, ввели в Конституцию Украины 1996 года вполне понятный для себя принцип государственного унитаризма* // Известия, 2014.06.09 (НКРЯ) или позитивной оценкой персонажа статьи на основании его подобного дистанцирования: Юрий Андропов – личность противоречивая. С одной стороны, ставленник КГБ, суровый борец с инакомыслием. С другой – человек, мечтавший

реформировать советскую систему, ярый борец с коррупцией и привилегиями // Комсомольская правда, 2014.06.19 (НКРЯ).

В чешских СМИ использование подобной модели последовательно связано с оценкой политической позиции чужого государства, проявляющейся либо (чаще) при оценке возможности собственного государства ценностно дистанцироваться от нее: *Mám rád Poláky za to, že zlikvidovali sovětský typ komunismu ve střední Evropě, a mírně se stydím, že my jsme se při získávání svobody spíše vezli. Hrdost na pražské jaro moc necítím, protože ta troška občanské svobody zde byla jen vedlejším produktem osvobození českých komunistů od jejich ruských pánů* // Reflex, č. 48/2010 (ČNK) /Я люблю поляков за то, что они ликвидировали советский тип коммунизма в Центральной Европе, и слегка стыжусь, что нас при получении свободы скорее vezли. Гордость по поводу Пражской весны я не сильно чувствую, потому что эта кроха гражданской свободы здесь была только побочным продуктом освобождения чешских коммунистов от их русских панов; *Tito sice rád kritizoval sovětský komunismus, s odpůrci ale zacházel podobným způsobem. V letech 1949 až 1956 posílal jeho režim hromadně do věznic lidi podezřelé ze sympatií ke Stalinovi, aby uchránil vlastní představy o cestě k socialismu* // Týden, č. 24/2014 (ČNK) /Хотя Тито любил критиковать советский коммунизм, но с противниками он обходился подобным способом. С 1949 и по 1956 годы его режим в большом количестве послал в тюрьмы людей, подозреваемых в симпатии к Сталину, чтобы сберечь собственное представление о пути к социализму/ либо, как и в российских СМИ, при позитивной оценке персонажа статьи на основании его подобного дистанцирования: *...ptal jsem se jí pak, existovalo – li v padesátých letech – po čtyřech desítkách let bolševického režimu a po strašlivé válce, která ovšem dodala režimu novou sílu – něco, k čemu se mohli nezávisle vztahovat mimo sovětský systém, a gorbanevská bez zaváhání odpověděla: Básně!* // Respekt, č. 45/2012, (ČNK) /...я спросил ее потом, существовало ли в пятидесятых годах, после четырех десятилетий большевистского режима и после страшной войны, которая, правда, придала режиму новую силу, что-то, к чему могли тянуться независимо от советской системы, и Горбаневская ответила без колебаний: Стихи!/.

2.2. Достаточно частотно в российских СМИ оценка советской политической системы распространяется на оценку неполитических официальных государственных систем (это связано с интерпретацией рассматриваемого прилагательного во втором из представленных в МАС значениях). В чешских СМИ такое распространение также фиксируется, но единично.

В российских СМИ объект оценки представлен достаточно подробно и конкретно – негатив выявляется по отношению к косности и примитивности официальных государственных систем: *Пока реестр нотариальных действий ведется совсем как в советские времена: в эдакую амбарную книгу ручкой вписывается, что за документ выдан, суть дела вкратце, паспортные данные, сколько денег уплачено...* // *Комсомольская правда*, 2014.07.28 (НКРЯ), к ложному характеру значимых ценностных ориентиров: *ПОВЫШАЕМ УЛЫБАЕМОСТЬ Отвлечь работников от грустной реальности призваны стенгазеты – они тут повсюду. Одна из них, как в добрые советские времена, рапортует: за месяц число улыбок на кассе увеличилось на 39 %! Интересно, кто, а главное – как это посчитал. На корпоративном телеканале (есть и такой) сотрудницы магазина прямо в рабочей форме занимаются аэробикой. Говорят, по праздникам накрывают столы для работников* // *Комсомольская правда*, 2014.07.02 (НКРЯ), к неорганизованности руководства хозяйственной деятельностью: *Зима 1947 года была очень холодной. А отапливаться было нечем... Такой вот наблюдался парадокс природной советской власти: крестьяне умирали от голода, а жители Донбасса замерзали без угля!* // *Комсомольская правда*, 2014.06.13 (НКРЯ) и др.

В чешских СМИ оценка советских неполитических официальных систем представлена не только единично, но и более обобщенно: *Klasický sovětský aparátčik proměněný v sunnitského muslima, který je u moci téměř dvacet let, podepsal zákon o změně rodinného zákoníku, jímž posunul věkovou hranici dívek pro vdavky ze sedmnácti na osmnáct let* // *Týden, č. 30/2010 (ČNK)* / *Классический советский аппаратчик, превращенный в суннита* (последователя многочисленного направления в исламе (от «сунна» – священное предание, рассказывающее о жизни исламского пророка Мухаммеда)), *который находится у власти без малого двадцать лет, подписал закон об изменении семейного кодекса, который сдвинул возрастную границу при вступлении в брак девушек с семнадцати на восемнадцать лет/.*

2.3. Еще один объект негативной оценки, реализуемой с помощью рассматриваемого прилагательного как в российских, так и в чешских СМИ, – внеинституциональная повседневная деятельность человека. Возможность применения к ним модусно переориентированной речевой единицы советского политического дискурса обусловлена особой политизацией советского общества, особой значимостью политического самоопределения для советского человека, непосредственно не участвующего в политической деятельности, вследствие чего социальный авторитет политического дискурса распространялся на бытовые аспекты «советской» жизни.

Как и в предыдущем случае, российские СМИ, сохраняющие до настоящего времени актуальность бытовой конкретики прошлого своей страны, представляют объект оценки достаточно детально. В то же время в своих манипулятивных стратегиях российские СМИ отражают результат социальной отработанности содержательных аспектов «советского» быта, подвергаемых негативной оценке регулярно. При этом в наиболее обобщенном виде негативные признаки советского быта совпадают с признаками неполитических официальных государственных систем: примитивность, неорганизованность, неприязнательность и др. Основанием для такого совпадения является восприятие как бытовой, так и государственной деятельности как продукта политической системы, следствие ее всепроникающего влияния. В российских СМИ негативнооценочная характеристика *советское* приписывается бытовым реалиям, от которых современное общество благополучно избавилось, либо сохраняющимся как «пережиток»: *Затем переходите в небольшое, но пугающее своей казенностью помещение. Там – с десятков окошек для проверки документов. У каждого – длинный хвост очереди, напоминающей забытую советскую. И – ни скамеек, ни туалетов...* // Комсомольская правда. 2014.08.02 (НКРЯ); *Любой объект в Крыму, даже санаторий советской постройки, может быть инвестиционно привлекательным, считает вице-президент Всероссийской ассоциации отельеров и рестораторов Сергей Колесников* // РБК Дейли, 2014.06.16 (НКРЯ); *Единственный знак природы – дзен-буддистская цветущая ветка в старом облупившемся садовом кашпо, какие стояли в советских парках культуры* // Экран и сцена, 2004.05.06 (НКРЯ); специфике мировоззрения советского человека: *Помнится на заре «перестройки» случился скандально известный эпизод на первом ток-шоу, когда наивная советская общественница сказала: «У нас в Советском Союзе секса нет, а есть любовь»* // Известия, 2014.05.29 (НКРЯ) и др. Еще одна особенность реализации негативной оценки советских бытовых аспектов деятельности связана с привлечением ее как априорно негативной для оценки реалий российской современности – в сравнительных смысловых конструкциях (в основе – социальная отработанность негативной оценки определенных аспектов советского быта): *даже санаторий советской постройки; даже в советское время был не один учебник* и др.

Несмотря на долговременную государственную политическую ориентированность чешского государства на советскую идеологическую систему, результатов применения характеристики *sovětský* к бытовым аспектам собственного прошлого (даже в негативнооценочных целях) в чешских СМИ не зафиксировано. Не являются частотными и случаи использования рассматриваемого прилагательного в функции оценки

бытовой реальности чужого государства, представленной в обобщенном виде (без конкретизации и детализации): *Rodiče si kopali vlastní hrob tím, že mi dali možnost žít v Paříži a číst buřičské spisy de Sadeho, Heideggera a Jasperse. Tím se ze mě nemohl stát sovětský člověk // Literární noviny, č. 40/2013 (ČNK) /Родители рыли себе могилу тем, что дали мне возможность жить в Париже и читать бунтарские сочинения де Сада, Хайдеггера и Ясперса. Из-за этого я не смог стать советским человеком; V této zvláštní zemi se zastavil čas – jenže čas sovětský, který se dosud nepřetočil a z něhož zůstala nejen neodbytná ruština. Silné džípy brázdí asfalt i kamenité vyjeté koleje cest a jejich řidiči v černých brýlích si bezstarostně užívají bohatství a svobodu // 100+1 zahraniční zajímavost, č. 11/2012 (ČNK) /В этой своеобразной стране (об Азербайджане) время остановилось – однако советское время, которое до сих пор не сдвинулось и от которого остался не только назойливый русский язык. Сильные джипы бороздят асфальт и каменистые наезженные колеи дорог, и их водители в темных очках беспечно используют богатство и свободу/.*

3. Случаи использования прилагательного *советский* в позитивно-оценочных целях обнаруживаются только в российских СМИ. Но вряд ли такое их использование можно представить как результат восприятия социального авторитета советского политического дискурса как истинного. Внешнее совпадение оценочного вектора прилагательного *советский* не является формой сохранности позитивнооценочного модуса советского политического дискурса-источника. Позитивная оценка не копирует заданную в источнике модусную установку, а, как и в предыдущих моделях, реинтерпретирует ее через посредство негативной оценки тотального, неаналитического отрицания советского (как социально-оценочного стереотипа современной интерпретации российского прошлого, разрушение которого активно реализуется в качестве одной из манипулятивных стратегий дискурса российских СМИ). При этом функционально позитивнооценочный модус речевой единицы *советский* используется для оценки современной действительности («некоторых признаков советского современной действительности не хватает»).

Объектами позитивной оценки становятся отдельные признаки как советской государственной системы (*Комиссия предлагает использовать советский опыт работы военных частей со средними школами, при этом значительно расширив такое сотрудничество. Это хорошая, но забытая советская форма взаимодействия государственных институтов с молодежью, но только с новым подходом, с новыми мотивациями // Известия, 2014.07.08 (НКРЯ); / Успехи советского периода связаны с именем Анатолия Тарасова, сумевшего воссоединить не только опыт мирового хоккея, но и других видов*

спорта // Известия, 2014.06.16 (НКРЯ); Единороссы заявляли о намерении принять закон «О первом рабочем месте», который предполагал восстановление советской практики обязательного распределения выпускников // Известия. 2014.06.03 (НКРЯ)), так и советского быта: В тоталитарном советском детстве нас учили многим ужасным и тоталитарным вещам. Не чавкать за столом, зевать, прикрывая рот ладонью, не коверкать чужих фамилий, не браниться матом, особенно при женщинах и детях, не обсуждать чужую внешность – и прочее, и прочее, и прочее. Как у Чуковского, все это закладывалось в возрасте от двух до пяти. Но вот тоталитарный режим пал, и пришла чаемая свобода // Комсомольская правда. 2014.07.07 (НКРЯ); Что сделали бы с тренером и командой в советское время, если бы наставник сказал, что клуб – неуправляемый? // Известия, 2014.06.20 (НКРЯ).

В чешских СМИ случаев использования прилагательного *sovětský* в позитивнооценочных целях обнаружено не было: на внешнеполитические смыслы содержание данной единицы в чешских СМИ распространяется только в оценочно нейтральной форме.

Таким образом, идеологически ориентированный позитивно-оценочный модус советского политического дискурса, стабилизированный в русском прилагательном *советский* и в его чешском эквиваленте *sovětský*, в современных российских и чешских СМИ либо подвергается манипулятивно обусловленной реинтерпретации (что происходит значительно чаще), либо нейтрализуется.

Модели его реинтерпретации в дискурсах российских и чешских СМИ демонстрируют элементы как сходства, так и различия. Сходство определяется 1) общностью политико-идеологического прошлого стран; 2) единством СМИ-интенций, что проявляется в возможности нейтрализации оценки и ее реинтерпретации. Различия в основном определяются восприятием советского как идеологической модели своего / чужого государства, что проявляется в 1) степени дифференцированности, детальности представления объекта оценки, осуществляемой при использовании прилагательного *советский*; 2) наличии / отсутствии фактов использования рассматриваемого прилагательного в позитивнооценочных целях.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин 1979 - Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.

Купина 1995 - Купина Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург – Пермь: Изд-во Урал. ун-та; ЗУУНЦ, 1995. 144 с.

Ленин 1969 - Ленин В.И. Что такое Советская власть? // ПСС. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1969. Т. 38.

НКРЯ 2016 - Национальный корпус русского языка (НКРЯ) / Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 12.04.2016).

Резанова 2008 - Резанова З.И. Трансформации советских стереотипов и мифологем в дискурсе региональных СМИ // Язык и культура. 2008. № 3. С. 63–71.

Словарь русского языка 4 - Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 4: С–Я, 1988. 800 с.

Трипольская, Булыгина 2015 - Трипольская Т.А. Булыгина Е.Ю. Идеологическая семантика как объект лексикографирования разновременными словарями // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2015. № 2 (24). С. 28–40.

Тубалова 2014 - Тубалова И.В. Институциональные речевые модели в личностно-ориентированных дискурсах различного типа // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 5 (31). С. 38–52.

Тубалова 2015 - Тубалова И.В. Полифонический текст в устных личностно-ориентированных дискурсах: дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2015. 539 с.

ČNK 2016 - Český národní korpus (ČNK) / Univerzita Karlova v Praze. URL: <https://www.korpus.cz> (дата обращения: 15.04.2016).

Slovník spisovného jazyka českého 3 - Slovník spisovného jazyka českého: ve 4 dílů. / Ústavu pro jazyk český ČSAV; Za vedení B. Havráňka (hlavního redaktora), J. Běliče, M. Helcla a A. Jedličky. Praha, 1960–1971. URL: <http://bara.ujc.cas.cz/ssjc/search.php?hledej=Hledat&heslo=sov%C4%9Bt&sti=EMPTY&where=hesla&hsubstr=no> (дата обращения: 15.04.2016).

REFERENCES

Bahtin, M.M. (1979) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo.

Kupina, N.A. (1995) *Totalitarnyy yazyk: Slovar' i rechevye reaktsii* [The totalitarian language: Vocabulary and verbal reactions]. Ekaterinburg – Perm: Ural State University.

Lenin, V.I. (1969) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. Vol. 38. Moscow: Politicheskaya literatura.

Institute of the Russian Language RAS. (2016) *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. [Online]. Available from: <http://www.ruscorpora.ru> (Accessed: 12th April 2016).

Rezanova, Z.I. (2008) Transformatsii sovetskikh stereotipov i mifologem v diskurse regional'nykh SMI [Transformation of Soviet stereotypes and myths

in the discourse of regional media]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 3. pp. 63-71.

Evgenieva, A.P. (1988) *Slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [The Dictionary of the Russian Language in 4 vols]. 3rd ed. Vol. 4. Moscow: Russkiy yazyk.

Tripolskaya, T.A. & Bulygina, E.Yu. (2015) Ideologicheskaya semantika kak ob'ekt leksikografirovaniya raznovremennymi slovaryami [Ideological semantics as the object of lexicographically diachronous dictionaries]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 2 (24). pp. 28-40.

Tubalova, I.V. (2014) Institutional speech patterns in person-oriented discourses. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 5 (31). pp. 38-52 (In Russian).

Tubalova, I.V. (2015) Polifonicheskiy tekst v ustnykh lichnostno-orientirovannykh diskursakh [Polyphonic text in oral personality-oriented discourses]. Philology Doc. Diss. Tomsk.

Czech Republic. (2016) *Český národní korpus (ČNK)* [Czech National Corpus]. Prague: Univerzita Karlova v Praze. [Online]. Available from: <https://www.korpus.cz> (Accessed: 15th April 2016).

Havránka, B. (ed.) (1960–1971) *Slovník spisovného jazyka českého* [The Dictionary of the Czech Literature Language]. Prague: ČSAV. [Online]. Available from: <http://bara.ujc.cas.cz/ssjc/search.php?hledej=Hledat&heslo=sov%C4%9Bt&sti=EMPTY&where=hesla&hsubstr=no> (Accessed: 15th April 2016).

Тубалова Инна Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Tubalova Inna – Tomsk State University (Russia).

E-mail: tina09@inbox.ru

Филь Юлия Вадимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Fil Yulia – Tomsk State University (Russia).

E-mail: 2fil@inbox.ru